

Социальная структура, социальные институты и процессы *General pedagogy, history of pedagogy and education*

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-191-207

УДК 316.347(470.62)

ТИПЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА

ШАХБАНОВА Мадина Магомедкамиловна

Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>,
Science Researcher ID: ABA-2690-2020,
madina2405@mail.ru

Религиозное возрождение сильнее затронуло канонические территории распространения исламского вероучения, причем для этого имелись объективные факторы. Рост значимости религиозного фактора, в данном контексте исламского, в социальной жизни общества, стремление духовных лиц доминировать в общественной жизни, особенно в системе образования, способствовали повышению интереса исследователей к религиозной тематике. Поэтому изучение состояния религиозной сферы, религиозности, ее типов, специфики культового поведения населения являются актуальными, ибо от положения в данной сфере зависит стабильность общества. Эмпирические данные свидетельствуют, что массовому сознанию городского населения Дагестана характерно обозначение ключевой роли исламского фактора в обществе. В установках опрошенных горожан доминирует позиция, обозначающая ассоциацию опрошенных с исламом, при этом можно наблюдать, что подгруппы самоидентифицирующихся как «убежденно неверующие» и «неверующие» подчеркивают свою принадлежность мусульманскому вероучению, что является подтверждением существования культурной или формальной религиозности. Кроме того, обозначение опрошенными веры в мистические силы является одним из показателей деформации их религиозной самоидентификации, что может выразиться в деструктивных процессах в религиозной сфере. Эмпирические данные показывают, что доля «чистых» религиозных типов среди опрошенных по всему массиву небольшая, но по подгруппам процентные показатели отражают их тип религиозности, при этом религиозное поведение по интенсивности не соответствует конкретно взятому типу религиозности.

Ключевые слова: религия, религиозность, типы религиозности, городское население, городское пространство, ислам, культовое поведение, верующий, неверующий, атеист, религиозные правила

Для цитирования: Шахбанова М.М. Типы религиозности городского населения Дагестана. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13. № 2. с. 191-207
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-191-207

Original article

TYPES OF RELIGIOUS CITY POPULATION OF DAGESTAN

Madina M. SHAKHBANOVA

Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center
Russian Academy of Science
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>
Science Researcher ID: ABA-2690-2020
madina2405@mail.ru

Religious revival has more strongly affected the canonical territories of the spread of the Islamic faith, and for this there were objective factors. The growing importance of the religious factor, in this context, Islamic in the social life of society, the desire of clergy to dominate public life, especially in the education system, contributed to the increased interest of researchers in religious topics. Therefore, the study of the state of the religious sphere, religiosity, its types, the specifics of the cult behavior of the population are relevant, because the stability of society depends on the situation in this area. Empirical data indicate that the mass consciousness of the urban population of Dagestan is characterized by the designation of the key role of the Islamic factor in society. The attitudes of the interviewed townspeople are dominated by the position denoting the association of the respondents with Islam, while it can be observed that the subgroups self-identifying as “convinced non-believers” and “non-believers” emphasize their belonging to the Muslim faith, which is a confirmation of the existence of cultural or formal religiosity. In addition, the designation by the respondents of belief in mystical forces is one of the indicators of the deformation of their religious self-identification, which can be expressed in destructive processes in the religious sphere. Empirical data show that the share of “pure” religious types among the respondents across the entire sample is small, but for subgroups the percentage indicators reflect their type of religiosity, while religious behavior in intensity does not correspond to a specific type of religiosity.

Keywords: religion, religiosity, types of religiosity, urban population, urban space, Islam, cult behavior, believer, unbeliever, atheist, religious rules

For citation: Shakhbanova M.M. Types of religious city population of Dagestan. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.1. PP. 191-207. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-191-207

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования

Проблема религиозности и выраженность ее типов в массовом сознании населения, соответственно, изучение культового поведения, характерного каждому конкретно взятому типу религиозности, заметно актуализировались в постсоветский период. Массовая религиозность россиян активно заявила о себе в 1990-х годах, в период острых социально-экономических и политических трансформаций, размывания устоявшихся представлений о жизни, кризиса государственной идентичности. Этот период можно определить как время переживания культурной травмы и формирования новых видов социальной идентичности, пришедших на смену разрушенной идентичности «советского человека», равнодушного к религии, верящего преимущественно в социальные идеалы [1, с. 46].

Однако ради справедливости следует отметить, что в науке внимание к этому аспекту религиозной сферы всегда присутствовало, соответственно, религиозность и ритуальное поведение были предметом пристального интереса религиоведов, причем для этого имелись веские основания. По мнению В.П. Баранникова и Л.Ф. Матрониной, «становление информационного общества в России сопряжено с глубоким социально-духовным кризисом: радикальным отрицанием материальных и культурных достижений советского периода, стремлением к так называемому духовному возрождению. Последнее нередко трактуется как религиозное возрождение...» [2, с. 102]. Далее вышеназванные авторы, обозначив религиозность как социально-психологическую характеристику личности, в более широком плане как способ социальной самоидентификации и социальной адаптации, выделяют два основных ее типа – традиционный и формальный. Если рассмотреть суть каждого из типов, то традиционная религиозность формируется на основе двух позиций: а) этнопсихологической самоидентификации конкретно взятого человека; б) этноисторической самоидентификации этнического образования, хотя для некоторых религий национальный фактор не имеет никакого значения (например в исламе понятие «умма»). Иными словами, традиционная религиозность наряду с религиозными представлениями соединяет морально-нравственные, эстетические и иные восприятия окружающей действительности. Отличительной ее чертой является подлинность при одновременном отсутствии глубокого понимания сущности религиозного учения. Кроме того, традиционной религиозности характерны толерантность, чувство сопереживания и сострадания, а также милосердия, которые в совокупности гарантируют нормальное существование этнической группы и конкретно взятого индивида, ибо «...идентичность с природой, племенем, религией дает индивиду ощущение уверенности» [3, с. 39]. Кроме того, традиционной религиозности присущи значимые социальные функции, заключающиеся в сохранении этнического, психологического и культурного единства этнического образования, а также его ограждение от всяких коллизий [4, с. 103].

Формальная религиозность отличается от традиционной религиозности существованием в массовом сознании и поведении безразличия к религии и религиозному учению при параллельном и демонстративно активном ритуальном поведении. И причина такого поведения, вернее, позиции в общественном сознании населения, видимо, кроется в том, что они понимают отсутствие в их повседневной жизни определенного порядка, соответственно возникает осознание необхо-

димости иметь определенную ценностно-символическую систему, которая позволит им жить в гармонии. Поэтому «они обращаются к определенному вероисповеданию не потому, что они стали истинно верующими, а потому, что это самый удобный источник правил, порядка и общения» [5, с. 327]. По мнению автора, в определенной мере формальной религиозности соответствует существующее в исламе понятие «мунафик», которым обозначают лицемера. Мунафик внешне показывает себя набожным мусульманином, но не является верующим [6].

В статье рассматриваются типы религиозности городского населения Дагестана, обозначены позиции, которые позволяют классифицировать опрошенных как «убежденно верующих», «верующих», «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих».

Характеристика исследования. Социологический опрос по изучению религиозной идентичности и культового поведения городского населения Дагестана проведен в 2020 г. в г. Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт. N – 563.

Результаты исследования

Среди российских исследователей существует критическое отношение к индикаторам измерения религиозности, поэтому, например, Е.А. Кублицкая против включения в систему показателей уровня религиозности конфессиональной самоидентификации, то есть отнесения себя к последователям определенной религиозной общности с мотивацией того, что «ученые, которые считают этот показатель необходимым, не учитывают устойчивость ориентации на отождествление конфессиональной и национальной принадлежности. Исторически обусловленная взаимосвязь национального и религиозного факторов общественной жизни часто заставляет респондента, далекого от религии, называть себя мусульманином... Исследования показывают, что среди нерелигиозного населения всегда присутствует относительно большая группа людей, считающих, что они принадлежат к той конфессии, которая традиционно распространена среди их национальности» [7, с. 98]. Автор не разделяет данный тезис, ибо исходит из того, что человек независимо от отношения к религии (верующий/неверующий) в определенных социальных сферах (похоронных, при заключении брака и т.д.) соблюдает предписания вероисповедания, которому он принадлежит, поэтому только обозначение своего отношения к религии («верю – не верю») не должно быть основанием для игнорирования данного параметра при исследовании религиозности населения. Если обратиться к исламу, то даже глубоко верующего человека из мусульманского вероисповедания могут вывести определенные действия, поступки, даже произнесение определенных слов.

В рамках исследования религиозности городского населения важным является установление для опрошенных значимости принадлежности к определенной религии, которое демонстрирует существующие в массовом сознании разных по типу религиозности групп идентификации с конкретно взятым вероучением или мировоззрением, то есть проявляется «культурная религиозность», суть которой заключается в ассоциации человека, независимо от отношения к религии (верующий – неверующий), с определенным вероучением (см. табл. 1).

Таблица 1 Распределение ответов на вопрос «К какой религии Вы себя относите?» (%)

Table 1. Distribution of answers to the question "What religion do you belong to?" (%)

Варианты ответов	К исламу	В Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию	Я себя ни к какой религии не отношу, я атеист
Отношение к религии			
Убежденно верующий	89,8	2,0	2,4
Верующий	88,6	6,3	0
Колеблющийся	39,5	46,5	2,3
Неверующий	21,1	26,3	31,6
Убежденно неверующий	16,7	11,1	61,1
Возраст			
До 20 лет	83,8	8,5	2,6
От 20 до 30 лет	83,9	6,6	4,4
От 30 до 40 лет	79,8	7,8	4,7
От 40 до 50 лет	77,1	12,0	3,6
От 50 до 60 лет	74,6	6,0	6,0
От 60 лет и старше	73,3	20,0	3,3
Всего:	80,6	8,6	4,1
Опрос 2014 г. (данные по городской местности)	76,5	0,9	4,6

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Эмпирические данные показывают превалирование доли респондентов, обозначающих свою принадлежность к мусульманству, причем здесь можно отметить позицию одной пятой части неверующих и каждого шестого опрошенного из подгруппы убежденно неверующих. Далее, каждый второй в подмассиве колеблющихся придерживается позиции «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию», впрочем, как и утверждение каждого четвертого в подгруппе неверующих и одной девятой части убежденно неверующих. Дальнейший анализ показывает, что больше половины опрошенных в подгруппе убежденно неверующих и одна треть неверующих обозначает реально соответствующее их самоидентификации суждение «я себя ни к какой религии не отношу, я атеист». Анализ по возрастному признаку показывает, что больше половины опрошенных во всех подгруппах относят себя к исламу, но при этом доля таковых, в сравнении, меньше в подмассиве «старше 50 лет». Размытое отношение к религии – «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию» – демонстрирует одна пятая часть в возрасте «от 60 лет и старше» и каждый восьмой опрошенный в когорте «от 40 до 50 лет». По сравнению с другими подгруппами, в подмассиве «от 50 до 60 лет» больше самоидентифицирующихся как атеисты. Анализ по образовательному признаку показывает, что уровень образования респондентов практически не отражается на обозначении ими своего отношения к вероучению: свою принадлежность к исламу демонстрируют 69,4% опрошенных с базовым средним, 80,3% со средним, 84,0% со средним специальным и 80,8% с высшим образованием. При этом доля при-

держивающихся атеистических установок в подмассиве с высшим образованием статистически незначима (4,1%). Таким образом, результаты, полученные на вопрос «К какой религии Вы себя относите?», показывают, что опрошенное городское население Дагестана независимо от возраста, отношения к религии и образовательного статуса самоидентифицируется как «мусульмане», кроме того, доля обозначающих приверженность атеистическому мировоззрению среди них статистически небольшая, исключение закономерно составляют подгруппы, относящиеся по типу религиозности к убежденно неверующим и неверующим.

В рамках данного исследования представляется необходимым показать результаты исследования по годам: если доля обозначающих свое отношение к определенному вероучению не сильно изменилась, то можно наблюдать, что в разы увеличилось количество придерживающихся позиций «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию» и «я себя ни к какой религии не отношу, я атеист», что свидетельствует об определенных трансформациях в массовом сознании респондентов. Правда, необходимо оговорить, что вышеприведенные суждения отмечены небольшой долей респондентов, хотя следует иметь в виду, что даже когорта, обозначающая свою религиозную принадлежность и отношение к религии, при этом не отличается интенсивностью культового поведения.

Таким образом, эмпирические данные ярко продемонстрировали, что больше половины убежденно неверующих, одна треть неверующих не считают себя последователями какого-либо вероучения, хотя среди них есть часть, которая отмечает свою принадлежность к исламу. А это может являться подтверждением характерной данным подгруппам культурной или формальной религиозности – когда не верят в существование Всевышнего, но обозначают себя последователем, например, мусульманства, а также в определенных ситуациях следуют религиозным нормам, например в семейно-брачной, похоронно-обрядовой и т.д. В этой связи вполне справедливо звучит утверждение М.М. Мчедловой, что «одним из важнейших контекстов современной религиозной ситуации ... является причисление себя к той или иной конфессии. Это означает, прежде всего, соотнесение с определенной культурно-цивилизационной традицией, сформировавшейся под воздействием определенного религиозного течения, что не является взаимно-однозначным соответствием с религиозностью. Доказательством этому служит зазор между количеством позиционирующих себя приверженцами определенной конфессии и количеством верящих в Бога» [8, с. 165].

Несмотря на то, что отношение к вере является личным, закрытым пространством человека, но имеет большое значение установление характерных горожанам мировоззренческих убеждений, поэтому в целях глубокого изучения религиозных установок городского населения Дагестана респондентам был задан «контрольный вопрос» (см. табл. 2).

Таблица 2 Распределение ответов на вопрос «Вы верите в Аллаха?» (%)
Table 2. Distribution of answers to the question "Do you believe in Allah?" (%)

Варианты ответов	Я верю в Аллаха, создавшего мир и управляющего им	Я верю не в Аллаха, а в другие сверхъестественные и мистические силы	Я допускаю существование Аллаха или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом	Я не верю в Аллаха, я атеист
------------------	---	--	--	------------------------------

Отношение к религии				
Убежденно верующий	94,6	2,0	1,0	0,5
Верующий	91,9	1,5	4,1	0,4
Колеблющийся	44,2	4,7	41,9	2,3
Неверующий	21,1	10,5	47,4	15,8
Убежденно неверующий	16,7	22,2	0	61,1
Возраст				
До 20 лет	88,0	1,7	6,0	1,7
От 20 до 30 лет	86,9	4,4	3,6	3,6
От 30 до 40 лет	79,1	1,6	11,6	3,9
От 40 до 50 лет	90,4	1,2	6,0	2,4
От 50 до 60 лет	73,1	4,5	11,9	0
От 60 лет и старше	83,3	3,3	6,7	6,7
Образование				
Базовое среднее	72,2	8,3	11,1	5,6
Среднее	85,8	3,9	6,3	2,4
Среднее специальное	86,6	1,7	5,0	0
Высшее	84,9	1,8	8,1	4,4
Всего:	84,4	2,9	7,2	3,1
Опрос 2014 г. (данные по городской местности)	90,0	0,9	7,1	1,0

Источник: составлено автором научной статьи.
 Source: compiled by the author of the scientific article.

Данные исследования показывают, что в массовом сознании городского населения с большим перевесом доминирует позиция «верю в Аллаха, создавшего мир и управляющего им», но при этом можно констатировать наличие определенной непоследовательности в их установках. Так, одна пятая часть в подгруппе неверующих и каждый шестой опрошенный в подмассиве убежденно неверующих обозначают свою веру в Бога, что противоречит изначально демонстрируемому ими неверию в сверхъестественные силы. Более того, подгруппа убежденно неверующих при декларировании неверия в Аллаха одновременно верит в существование сверхъестественных и мистических сил. Существование такой позиции в массовом сознании горожан свидетельствует о наличии нетрадиционной религиозности, ключевым признаком которой является «интенсификация основной социальной функции религии (компенсаторной)» [9, с. 102].

Если более подробно охарактеризовать нетрадиционную религиозность, то она включает две степени интенсивности: «1) нетрадиционные верующие (интенсивное проявление нетрадиционной религиозности) – люди, признающие существование сверхъестественной или мистической силы (в образах мирового духа, космического сознания, “идеи” и т.п.); 2) нетрадиционные колеблющиеся (неинтенсивное проявление нетрадиционной религиозности) – люди, допускающие

существование сверхъестественных сил в их идеальных, как правило, неантропоморфных формах» [10, с. 102]. Данное Е.А. Кублицкой объяснение очень ярко проявляется в установках опрошенного городского населения, что подтверждается данными исследования О.Б. Халидовой: она обрисовала деятельность христианских миссионеров, активно пропагандировавших и распространявших на канонических территориях ислама, соответственно и среди населения Дагестана, свое вероучение [11].

Такую же картину можно наблюдать при анализе по возрастному признаку: так в вопросе «К какой религии Вы себя относите?» когорты «от 40 до 50 лет» выбрала суждение «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию» (12,0%), однако в этой подгруппе, по сравнению с другими, больше придерживающихся позиции «я верю в Аллаха, создавшего мир и управляющего им», что ставит под сомнение их реальное отношение к вероучению. Далее с повышением уровня образования опрошенных растет доля обозначающих свое отношение к вере, хотя исследователи придерживаются позиции, что чем выше образовательный статус респондента, тем должен быть ниже уровень его религиозности, которая данными авторского опроса не подтверждается. Более того, можно увидеть, что в подмассиве с базовым средним образованием, по сравнению с другими подгруппами, больше доля отметивших вариант ответа «я не верю в Аллаха, я атеист», впрочем, как и в возрастной категории «от 60 лет и старше». Сравнение эмпирического материала по годам (2014 и 2020 гг.) показывает увеличение доли обозначающих свое отношение к вероучению, при снижении количества атеистов и верующих в мистические силы. Видимо, можно согласиться с позицией, что «неверие ... объясняется отсутствием религиозного воспитания и религиозных семейных традиций, ... несовместимостью научного знания с религией. Традиционные религиозные верования и безрелигиозный мировоззренческий рационализм – это крайности, между которыми колеблется маятник массовых верований современного общества. Если прежде этот маятник подолгу задерживался в крайних положениях под воздействием идеологической ориентированности воспитания и образования, ограниченности информации и доступа к ней, то сейчас эти преграды пали, и движения маятника приобрели беспорядочный характер» [12, с. 105].

Таким образом, результаты исследования позволяют выявить когорты нерелигиозных респондентов, которые 1) не самоидентифицируются с конкретным вероисповеданием, соответственно, не демонстрируют какое-либо культовое поведение; 2) одновременно обозначают свою принадлежность к исламу, что было выявлено эмпирическими данными на вопрос «К какой религии Вы себя относите?». Кроме того, выбор респондентами позиций «я верю не в Аллаха, а в другие сверхъестественные и мистические силы» и «я допускаю существование Аллаха или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом» является свидетельством проявления деформированной религиозной идентичности, которая может стать основой возникновения радикальных и экстремистских настроений в массовом сознании, особенно подрастающего поколения.

В рамках исследования соответствия типа религиозности, обозначения своего отношения к вере важным является анализ культового поведения, ибо очень часто встречается несогласованность между самоидентификацией человека с конкретным вероисповеданием и его реальным поведением. Изучая религиозное возрождение, типы религиозности, особенности религиозного поведения исследователями, к сожалению, не были подробно рассмотрены многие аспекты религиозной сферы, среди которых ключевыми, по мнению автора, являются «вхождение» человека в религию, от-

ношение к вероучению (кто стал верующим и почему?), интенсивность соблюдения религиозных норм, причины обращения к Аллаху, социально-демографические параметры верующих, причем важным является социальный портрет верующего. Разумеется, отечественные исследователи рассматривали данные вопросы, но при этом отсутствовала глубина изучения мотивации обращенности вчерашнего атеиста в религию. Частичный ответ на данный вопрос можно найти в исследовании И.А. Юрасова и О.А. Павловой [13, с. 27]. Можно утверждать, что в постсоветский период в массовом сознании населения произошел слом прежней идеологии, причем кардинально, и данный процесс протекал очень болезненно, способствуя появлению сложных, противоречивых тенденций в общественной жизни и сознании. Автор согласен с мнением, что на фоне религиозного возрождения наблюдается, наряду с ростом религиозности, важности соблюдения конфессиональных постулатов и норм, если можно так выразиться, «перекрашивание» вчерашних атеистов в глубоко верующую когорту населения. Несомненно, здесь имеются и свои сложности, обусловленные прежней идеологической системой, которая не позволяла верующим людям открыто проявлять свои религиозные чувства и вести активное культовое поведение. Появление слоя людей, демонстративно участвующих в публичных религиозных праздниках, но при этом не соблюдающих базовые положения своего вероисповедания, вызывает множество вопросов: к какому типу религиозности их относить? Хотя изучение культового поведения горожан позволяет причислять их к пассивным верующим (классификация Н.П. Алексеева).

Анализ религиозной активности/пассивности городского населения актуализирует вопрос установления степени их религиозности (см. табл. 3).

Таблица 3 Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» (% , вторая цифра в графе «Всего» – опрос 2014 г.)

Table 3. Distribution of answers to the question "Do you consider yourself a believer?" (% , second digit in the "Total" column – 2014 survey)

Варианты ответов // Отношение к религии	Убежденно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Да, я убежденно верующий человек, так как всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	60,0	24,7	7,0	0	0	34,7/26,0
Да, я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	36,1	61,3	20,9	10,5	27,8	46,0/53,2
Да, я убежденно верующий человек, но вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	2,4	10,0	32,6	5,3	1,1	8,8/10,0
Скорее, я неверующий человек, так как не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	1,0	1,1	25,6	42,1	0	4,3/3,4

Нет, я неверующий человек, так как вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	0	0,4	7,0	21,1	5,6	1,6/1,5
Нет, я неверующий человек, так как я не верю в существование Аллаха	0	0,7	0	15,8	55,6	2,7/1,6

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Результаты исследования констатируют доминирование в массовом сознании одной второй части респондентов суждения «я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды», при этом только одна треть опрошенных ассоциирует себя по мировоззренческим установкам с категорией убежденно верующих, ибо всегда соблюдает религиозные предписания и обряды. Можно наблюдать существование почти трехкратной разницы между когортой «убежденно верующих» и «верующих», всегда соблюдающих религиозные предписания. Подгруппе «верующих» ближе позиция «я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды», которую разделяет каждый третий опрошенный в подмассиве «убежденно верующих» и одна четвертая часть из подгруппы «убежденно неверующих». Определенную сложность представляет выявление критерия отнесения к категории реально верующих, и, видимо, здесь нужно опираться не только на самоидентификацию опрошенных, но и следует более пристальное внимание уделить религиозному поведению респондентов – периодичности соблюдения ими религиозных постулатов. Также обращают на себя внимание установки колеблющихся, которые самоидентифицируются с противоположных позиций: с одной стороны, считают себя «убежденно верующими», но при этом «вообще не соблюдают религиозные предписания и обряды» (одна треть), с другой – каждый четвертый опрошенный отметил вариант ответа «скорее, я неверующий человек, так как не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды». Такая же непоследовательность в мировоззренческих установках характерна и подгруппе убежденно неверующих, которая отметила совершенно противоречащие друг другу суждения: «я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды» и «я неверующий человек, так как я не верю в существование Аллаха».

П. Хилл для построения классификации мер религиозности использует иерархический подход, внутри которого выделяются два уровня измерения религиозности: а) общий уровень («диспозиционная религиозность») и б) частные проявления («функциональная религиозность»). На общем уровне степень религиозности определяется по ответам на вопрос о важности Бога в жизни респондента. Второй уровень иерархии – это функциональная религиозность, и она включает в себя такие параметры измерения, как самоидентификация с определенным вероисповеданием, верования (вера в Бога, в жизнь после смерти, в рай и ад) и практики (частота посещения религиозных служб и частота молитвы) [14, с. 78].

По мнению автора, можно констатировать характерную городскому населению формальную религиозность: с одной стороны, демонстративное равнодушие религиозному учению, с другой – подчеркнутое следование религиозно-обрядовой его части. Кроме того, такая позиция в массовом сознании может быть

обусловлена еще и тем, что необходима основа воспитания, прививания подрастающему поколению нравственных установок, а это, по мнению людей, возможно через обращение к этической базе вероисповедания. Таким образом, можно утверждать, что рост религиозности, кроме уровня религиозного сознания (доля лиц, идентифицирующих себя с верующими), сопровождается и религиозной практикой, которая прослеживается через частотность посещения культовых зданий (мечетей), совершение молитвы, соблюдение религиозных правил и т.д.

В данном исследовании одним из актуальных вопросов является изучение религиозной активности дагестанских верующих, для чего мы опираемся на предложенную Ф.Н. Ильясовым методику измерения религиозности, сущность которой заключается в сопоставлении признака «вера» с «участием в религиозной (атеистической) деятельности». Реальное поведение самоидентифицирующегося как верующий можно проследить через активность/пассивность его религиозной деятельности (см. табл. 4).

Таблица 4 Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы принимаете участие в религиозной деятельности?» (%)

Table 4. Distribution of answers to the question "How often do you take part in religious activities?" (%)

Показатель «Вера»	Показатель «Участие в религиозной (атеистической) деятельности»			
	Я всегда участвую во всех религиозных обрядах моей религии и привлекаю других людей	Я всегда принимаю участие в главных религиозных обрядах моей религии	Я иногда участвую в некоторых религиозных обрядах моей религии	Я вообще не принимаю участия ни в каких религиозных обрядах моей религии
Отношение к религии				
Убежденно верующий	26,8	35,1	31,7	5,4
Верующий	6,3	26,2	52,4	13,3
Колеблющийся	7,0	7,0	48,8	30,2
Неверующий	0	26,3	26,3	31,6
Убежденно неверующий	5,6	22,2	16,7	55,6
Возраст				
До 20 лет	12,8	28,2	42,7	14,5
От 20 до 30 лет	16,1	26,3	38,7	16,1
От 30 до 40 лет	11,6	25,6	50,4	11,6
От 40 до 50 лет	8,4	25,3	49,4	14,5
От 50 до 60 лет	17,9	35,8	29,9	9,0
От 60 лет и старше	20,0	30,0	36,7	13,3
Всего:	13,7	27,9	42,4	13,7

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

Прежде чем перейти к анализу полученных результатов опроса, необходимо изложить принятую в отечественной социологии религии типологию религиозности. Исследователи исходят из того, что существуют только «чистые», идеальные типы: 1) «убежденно верующий», который «всегда участвует во всех религиозных обрядах своей религии и привлекает других людей»; 2) «верующий» – «всегда принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии»; 3) «колеблющийся» – «иногда участвует в некоторых религиозных обрядах своей религии»; 4) «неверующий» – «вообще не принимает участия ни в каких религиозных обрядах своей религии»; 5) «убежденно неверующий» – «участвует в атеистической работе» [15, с. 52]. Однако на практике религиоведы сталкиваются с существованием типов верующих и неверующих, не вписывающихся в рамки перечисленных типов религиозности, что доказывают эмпирические данные проведенного социологического опроса. Так, по религиозной активности «убежденно верующий» может оказаться в подгруппе «верующих» и «колеблющихся», «верующий» – среди «колеблющихся» и «неверующих», «колеблющийся» – в подмассиве «верующих» и «неверующих», «неверующий» и «убежденно неверующий» – в подгруппе «верующих» и «колеблющихся».

Если обратиться к авторским эмпирическим данным, то по всему массиву превалирует характерная культовому поведению колеблющихся позиция – «я иногда участвую в некоторых религиозных обрядах моей религии», причем выделяется подмассив верующих (больше половины опрошенных) и убежденно верующих (одна треть). На второй позиции, с большим отрывом, располагается суждение «я всегда принимаю участие в главных религиозных обрядах своей религии»: обращают на себя внимание установки одной четвертой части подгруппы неверующих и каждого пятого опрошенного в подмассиве убежденно неверующих, демонстрирующих религиозное поведение, свойственное верующим. При этом результаты опроса показывают, что чуть больше половины опрошенных из подгруппы убежденно неверующих, одна треть колеблющихся и неверующих обозначает культовое поведение, характерное именно когорте не признающих существование Аллаха. Эмпирические данные по возрасту демонстрируют, что одна пятая часть в возрасте «от 60 лет и старше» придерживаются поведения убежденно верующих, хотя в других вопросах у данной когорты процентные показатели отмечающих свое отношение к религии были небольшими. Более того, практически все возрастные подгруппы демонстрируют культовое поведение, характерное колеблющимся, за исключением когорты «от 50 до 60 лет», которым ближе позиция «я всегда участвую в некоторых религиозных обрядах моей религии» (одна треть).

При анализе религиозного поведения необходимо учесть, что в исламе существуют такие понятия, как сунна, под которой имеют в виду высказывания и действия пророка Мухаммада. Сунна является вторым источником шариата после Корана. Фарз – это действие, обязывающее каждого человека в строгой форме выполнять предписания шариата.

Далее в нашем исследовании респондентам был задан вопрос «Каким праздникам Вы отдаете предпочтение?», и эмпирические данные показывают, что 53,1% опрошенных одновременно признают как религиозные, так и светские праздники и торжества. По типу религиозности данный вариант ответа отметили 36,1% из подгруппы убежденно верующих, 68,1% верующих, 53,5% колеблющихся, 42,1% неверующих и 22,2% убежденно неверующих. Закономерно, что 54,1% убежденно верующих и всего одна четвертая часть верующих предпочитают праздновать

только религиозные, в данном контексте исламские, праздники, хотя 10,5% самоидентифицирующихся как неверующие также придерживаются данного суждения. Далее, 14,0% колеблющихся, 31,6% неверующих и 66,7% убежденно неверующих выбрали вариант ответа «только светские праздники». Таким образом, можно утверждать, что опрошенное городское население независимо от типа религиозности предпочтению отдает одновременно религиозным и светским праздникам, хотя, по мнению автора, ислам, в своей основе ориентированный на консервативный образ жизни своей уммы и критически настроенный к светскости, проповедует совершенно иное культовое поведение и, как показывают полученные результаты исследования, в полной мере мусульманской общиной не соблюдается. Если обратиться к реальной жизни, то в Дагестане, особенно в городской среде, широкое распространение получили исламские дошкольные и школьные учреждения. Выбирая исламские садики, родители изначально апеллируют к тому, что они не хотят праздновать светские праздники – 8 Марта, 23 февраля, День Победы, особенно Новый год и т.д., – считая их не соответствующими исламскому учению. Совсем недавно можно было столкнуться с тем, что установленные на городских площадях новогодние елки сжигали с религиозной аргументацией, и только демонстративное поведение главы Чеченской Республики несколько сняло напряженность, однако в общественном сознании большого пласта людей встречается непризнание данного праздника, не говоря о его праздновании. Но что удивительно, исламское население, исповедующее шиизм, отмечает Навруз, как Новый год, причем с большим размахом и широко, более того, в массовом сознании существует вполне толерантное к нему отношение. Видимо, отход от ритуального поведения, от «чистых» типов обусловлен множеством факторов, среди которых ключевую роль может играть отождествление национального и религиозного компонентов, а также повышение роли этноконфессиональной идентичности. Можно утверждать, что религиозность в современном обществе не только не утрачивает своего значения, более того, получает и новое качество. Если в традиционном обществе религиозное сознание и религиозное чувство формировались, контролировались и стабилизировались влиятельными церковными организациями и индивид должен был постоянно демонстрировать свою лояльность им под страхом не Божьего суда, а вполне земной расправы (вспомним, что вплоть до 17 октября 1905 г. отказ от православной веры в Российской империи был уголовным преступлением, наказывался лишением всех прав состояния и тюремным заключением), то в условиях информационного общества человек получает иллюзию свободы совести. Это именно иллюзия, поскольку власть церкви и государства над совестью индивида заменяется властью общественного мнения, моды, формируемой информационной инфраструктурой общества [16, с. 106].

Таким образом, проведенный анализ типов религиозности городского населения Дагестана показывает, что в целом декларируемое горожанами отношение к религии, вернее проявление типов религиозности, практически не соответствует их религиозной практике, более того, можно констатировать противоречие и непоследовательность в их установках.

Заключение

Анализ типов религиозности городского населения Дагестана показывает, что подавляющая часть респондентов независимо от возраста, отношения к религии и образовательного статуса ассоциирует себя с исламом, причем обращает на себя внимание осознание себя мусульманами подгруппами причисляющих себя к неверующим и убежденно неверующим. При этом одна вторая часть

самоидентифицирующихся как колеблющиеся придерживается позиции «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию»; доля обозначающих свое атеистическое мировоззрение небольшая. Кроме того, исследование выявило существование когорты, придерживающейся позиций «я верю не в Аллаха, а в другие сверхъестественные и мистические силы» и «я допускаю существование Аллаха или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом», что является основанием для утверждения о существовании у респондентов деформированной религиозной самоидентификации. Кроме того, данная категория может быть причислена к нетрадиционным верующим, которым характерно интенсивное проявление нетрадиционной религиозности, то есть признание существования сверхъестественной или мистической силы. Сравнение результатов исследования по годам показывает изменение в установках городского населения: если доля обозначающих осознание своей принадлежности к конкретной религии осталась почти на прежнем уровне, то по некоторым позициям наблюдается их трансформация – «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию» и «я себя ни к какой религии не отношу, я атеист».

Рассмотрение религиозности в рамках предложенного П. Хиллом двухуровневого измерения религиозности показывает, что опрошенным характерно проявление как диспозиционной религиозности, которая выражается через суждение «я верю в Аллаха, создавшего мир и управляющего им», причем его разделяют респонденты, самоидентифицирующиеся как неверующие и убежденно неверующие. Функциональная религиозность городского населения проявляется, во-первых, через самоидентификацию с определенным вероисповеданием, в данном случае с исламом, во-вторых, через интенсивность религиозной практики (частота посещения религиозных служб, молитвы, пост и т.д.). Результаты исследования показывают большой разрыв между тем, что должен делать верующий человек (совершать намаз, соблюдать пост, выплачивать религиозный налог, совершить паломничество и регулярно посещать мечеть, праздновать религиозные праздники, читать религиозные тексты, посещать религиозные службы), и реальным его культовым поведением. Более того, одна восьмая часть опрошенных не соблюдают ни одно из предписаний культового поведения ислама при одновременной самоидентификации себя как «убежденно верующий».

Анализ по типу религиозности показывает, что «убежденно верующий» по религиозной активности демонстрирует культовое поведение, характерное верующим («всегда принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии») и с небольшой разницей колеблющимся – «иногда участвует в некоторых религиозных обрядах своей религии». При этом ритуальное поведение по типу религиозности, характерное колеблющимся, свойственно подгруппам верующих, неверующих и убежденно неверующих; подмассив колеблющихся показывает характерное как своему типу, так и неверующим религиозное поведение; убежденно неверующие демонстрируют присущую как своему типу религиозности, так верующим («всегда принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии») и колеблющимся («иногда участвует в некоторых религиозных обрядах своей религии») культовую практику. Иными словами, изучение религиозного поведения, а также частотности участия опрошенного городского населения Дагестана в религиозной деятельности показывает полное несоответствие обозначенным Ф.Н. Ильясовым критериям, которые позволяют охарактеризовать каждый тип религиозности. И причины здесь могут быть самые различные, обуслов-

ленные как обязательными для исполнения предписаниями, так и желательными. По мнению автора, видимо, по этой причине респонденты, несмотря на обозначение своего отношения к религии (убежденно верующий, верующий, колеблющийся, неверующий, убежденно неверующий), ориентированы на следование правилам культового поведения. Здесь речь идет о соблюдении опрошенными горожанами, которые самоидентифицируются как «неверующие» и «убежденно неверующие», определенных религиозных ритуалов (похоронные, в семейно-брачной сфере, празднование религиозных праздников и т.д.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. – 2017. – Т. 23. – № 3. – С. 44-63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.
2. Баранников В.П., Матренина Л.Ф. Динамика религиозности в информационном обществе // Социологические исследования. – 2004. – № 9. – С. 102-107.
3. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1995. – 269 с.
4. Баранников В.П., Матренина Л.Ф. Указ. соч.
5. Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М.: АСТ, 2001. – 476 с.
6. URL: <https://shia.world/kto-takie-munafiki-litsemery-i-chto-o-nih-govorit-koran/> (дата обращения: 05.06.2020).
7. Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. – 1990. – № 5. – С. 95-103.
8. Мчедлова М.М. Религиозная ситуация в России и ее регионах // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 146-178.
9. Кублицкая Е.А. Указ. соч.
10. Там же.
11. Халидова О.Б. Протестанты в Дагестане: историко-социологическое исследование. – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – 208 с.
12. Баранников В.П., Матренина Л.Ф. Указ. соч.
13. Юрасов И.А., Павлова О.А. Дискурсивное исследование религиозной идентичности // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 7 (125). – С. 24-29. DOI: 10.24158/tipor.2018.7.3.
14. Пруцкова Е.В. Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере // Социологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 72-88.
15. Ильясов Ф.Н. Религиозное сознание и поведение // Социологические исследования. – 1987. – № 3. – С. 50-55.
16. Баранников В.П., Матренина Л.Ф. Указ. соч.

REFERENCES

1. Ryzhova S.V. Religioznost' v kontekste kul'tury doveriya [Religiosity in the context of a culture of trust]. Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]. 2017. Vol. 23. No. 3. Pp. 44-63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363. (In Russ.)

2. Barannikov V.P., Matronina L.F. Dinamika religioznosti v informacionnom obshchestve [The dynamics of religiosity in the information society]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2004. No 9. Pp. 102-107. (in Russ.).
3. Fromm E. Begstvo ot svobody [Escape from freedom]. M.: Progress, 1995. 269 p. (in Russ.).
4. Barannikov V.P., Matronina L.F. Dinamika religioznosti v informacionnom obshchestve [The dynamics of religiosity in the information society] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2004. No 9. Pp. 102-107. (in Russ.).
5. Fukuyama F. Velikij razryv [Great break]. M.: ACT, 2001. 476 p.
6. URL: <https://shia.world/kto-takie-munafiki-litsemery-i-cto-o-nih-govorit-koran/> (accessed:05.06.2020). (in Russ.).
7. Kublickaya E.A. Tradicionnaya i netradicionnaya religioznost': opyt sociologicheskogo izucheniya [Traditional and nontraditional religiosity: experience of sociological study]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 1990. No 5. Pp. 95-103. (in Russ.).
8. Mchedlova M.M. Religioznaya situaciya v Rossii i ee regionah [Religious situation in Russia and its regions]. Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii [Ethnic and religious diversity of Russia]. Pod red. V.A. Tishkova, V.V. Stepanova. M.: IEA RAN, 2018. Pp. 146-178. (in Russ.).
9. Kublickaya E.A. Tradicionnaya i netradicionnaya religioznost': opyt sociologicheskogo izucheniya [Traditional and nontraditional religiosity: experience of sociological study]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 1990. No 5. Pp. 95-103. (in Russ.).
10. Kublickaya E.A. Tradicionnaya i netradicionnaya religioznost': opyt sociologicheskogo izucheniya [Traditional and nontraditional religiosity: experience of sociological study]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 1990. No 5. Pp. 95-103. (in Russ.).
11. Halidova O.B. Protestanty v Dagestane: istoriko-sociologicheskoe issledovanie [Protestants in Dagestan: Historical and Sociological Research]. Mahachkala: ALEF, 2019. 208 p. (in Russ.).
12. Barannikov V.P., Matronina L.F. Dinamika religioznosti v informacionnom obshchestve [The dynamics of religiosity in the information society]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2004. No 9. Pp. 102-107. (in Russ.).
13. Yurasov I.A., Pavlova O.A. Diskursivnoe issledovanie religioznoj identichnosti [A Discursive Study of Religious Identity] Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]. 2018. No 7 (125). Pp. 24-29. DOI: 10.24158/tipor.2018.7.3. (in Russ.).
14. Pruckova E.V. Religioznost' i ee sledstviya v cennostno-normativnoj sfere [Religiousness and its consequences in the value-normative sphere]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2013. No 2. Pp. 72-88. (in Russ.).
15. Il'yasov F.N. Religioznoe soznanie i povedenie [Religious consciousness and behavior] Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 1987. No 3. Pp. 50-55. (in Russ.).
16. Barannikov V.P., Matronina L.F. Dinamika religioznosti v informacionnom obshchestve [The dynamics of religiosity in the information society]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2004. No 9. Pp. 102-107. (in Russ.).

Информация об авторе: Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>
Science Researcher ID: ABA-2690-2020,
madina2405@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Madina M. Shakhbanova, Doctor in Sociological Sciences, Senior Researcher Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia
ORCID id: 0000-0003-1325-9452
Science Researcher ID: ABA-2690-2020,
madina2405@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 31.03.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 15.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 27.02.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests